

Секрет его матери

Это было только то, почему Лан Чжун пришел, чтобы найти его в это время?

«Скажи ему, чтобы заходил».

Йе Циньгу кивнул головой.

Танг Сан снова ушел.

Очень быстро он привел человека.

Это был молодой человек, одетый в фиолетовое боевое снаряжение. Его фигура была героической и мускулистой, с бронзовой кожей и алыми рыжими волосами. Подобные мечу, брови были высоко на его лице, и глаза были особенно пронзительны. В нем была героичность, и аура сформировалась вокруг него, как длинное лезвие, которое было наполовину вытянуто.

Не нуждаясь в представлении, этот человек был Лан Чжуном из банды Двух Рек.

Танг Сан был человеком с особенно пронзительным зрением. Приведя Лан Чжуна внутрь, он дал знак хорошему официанту.

Эту официантку можно было считать умной. Она сразу поняла и бесшумно ушла, извинившись.

В это время она могла уже угадать истинную идентичность Йе Циньгу.

Чтобы иметь возможность сделать Танг Сан, который был известен во всем городе, чтобы быть настолько почтительным к нему и называть его молодым мастером, кроме легендарного Маркиза Йе, кто еще мог это быть?

Девушка хотела остаться в отдельной комнате еще ненадолго, но не решалась медлить.

Она почтительно ждала снаружи. Ее изысканное личико было наполнено красным оттенком из-за волнения. Ее рука была прижата к груди, сопротивляясь желанию вскрикнуть от возбуждения.

Маркиз Йе был очень красив.

В отдельной комнате.

«Я отдаю дань уважения Маркизу Йе», Лан Чжун был чрезвычайно почтителен, когда вошел. Он поклонился, коснувшись земли коленями.

Йе Циньгу нахмурился. С поднятием его рук, невидимая энергия выросла, неся тело Лан Чжуна. «Вы не должны выказывать такое почтение, лидер Лэнг. Вы не из числа военных. Как человек, принадлежащий к Цзянху, вы не ограничены приветствиями правительства. Не нужно быть таким вежливым передо мной».

Лан Чжун покачал головой. «Я не отдал дань уважения из-за вашей военной идентичности. Я сделал это, потому что вы мой молодой господин».

«Молодой мастер?» в глазах Йе Циньгу мелькнул свет.

Лан Чжун не мог больше кланяться, но он все еще не смел быть неуважительным. Он выпрямился, достал легкое желтое письмо и передал его обеими руками, склонившись над телом с эмоциональным выражением.

Взгляд Йе Циньгу опустился на письмо. Изящные буквы сразу врезались в его мозг.

Его сердце внезапно содрогнулось.

Какой почерк...

Йе Циньгу быстро встал, выражение шока было на его лице. На высокой скорости он почти вырвал его из рук Лан Чжуна и посмотрел на письмо. Он мог ясно видеть элегантные символы в передней части письма.

«Для моего любимого ребенка, Йе Циньгу».

Это было как если бы там были миллионы серебряных молний, которые поразили Йе Циньгу. Мозг Йе Циньгу внезапно почувствовал перегрузку, мозг стал полностью пустым.

Как такое может быть возможно?

Это был почерк его матери.

Это были абсолютно рукописные слова его матери.

Йе Циньгу был действительно слишком знаком с почерком своей матери. Он мог сказать, что это была она, с одного взгляда. Такие элегантные буквы когда-то играли чрезвычайно важную роль в жизни Йе Циньгу. С тех пор, как он мог помнить и понимать вещи, это была его мать Ли Ин, которая научила Йе Циньгу читать и писать. Не было никаких частных учителей, которые были наняты в семье Йе, и все, что Йе Циньгу знал о литературе, преподавала Ли Ин.

В одно мгновение бесчисленные воспоминания ворвались в сердце Йе Циньгу.

Однажды он последовал за своей матерью, когда они читали стихи.

Однажды он научился распознавать буквы вместе со своей матерью в военном додзе.

Однажды мать научила его писать.

Однажды его отругала мать, когда он допустил ошибку при написании иероглифа.

Однажды, его мать крепко обняла его, потому что он написал свой первый стих поэмы.

Однажды он помог матери продать тетради.

Однажды, под улыбкой матери, он закончил читать книгу размышлений, которая была написана, когда была основана Империя.

Он когда-то...

Бесчисленные образы начали вырываться из его памяти, как поток. Йе Циньгу полностью погрузился с них. В те четыре года, когда он оставался на кладбище, Йе Циньгу однажды похоронил любовь и воспоминания о своих родителях глубоко в глубине своего сердца. Он думал, что сможет поприветствовать эти воспоминания, которые не вернутся с улыбкой, но

когда письмо его матери снова появилось перед ним, глаза Йе Циньгу увлажнились неудержимо и почти мгновенно.

Он пытался сдержать бушующие эмоции в его сердце. Он медленно повернулся, глядя в окно, слезы текли по его лицу.

Казалось, Лан Чжун о чем-то догадался. Его выражение также было перемещено, его тело слегка дрожало.

Танг Сан не знал, почему его молодой господин был так эмоционально тронут. Хотя он не видел слез Йе Циньгу, но он мог слабо чувствовать что-то. Он не мог не быть любопытным. Было невообразимо, что Лан Чжун принес, что заставило его молодого мастера почувствовать такое состояние. В конце концов, он был человеком, который даже не дрогнет, если древняя Божественная гора рухнет перед ним.

Через некоторое время.

Весь номер был укрыт в тишине.

Йе Циньгу в конечном счете не смог этого вынести. При таких знакомых и трагических эмоциях, даже он сам, с его стадией Горького Моря, не мог контролировать свои эмоции.

Только когда его слезы коснулись его одежды, он постепенно начал овладевать своими эмоциями.

Дрожащими пальцами он открыл письмо.

«Дитя мое, если ты читаешь это письмо, то это означает, что Лан Чжун уже решил, что ты сегодня достаточно силен, чтобы защитить себя. У вас есть возможность сделать это. Твои родители так гордятся, что такой день наконец настал... Мама оставила тебе это письмо, потому что я так много хочу сказать тебе сегодня. Интересно, сколько тебе лет, когда ты читаешь это. Ваши мать и отец не могут себе представить, как вы выглядите в это время...»

Такие знакомые буквы. Йе Циньгу еще раз вытер слезы рукавом.

Такое письмо было похоже на нежную руку матери, которая собиралась стереть пыль с его памяти. Это сделало его неспособным вернуться к воспоминаниям прошлого.

Такое письмо было похоже на острый клинок, который заставил слой защиты и маскировки Йе Циньгу быть мгновенно разрезанным на части. Самые горькие, но и самые сладкие воспоминания в его сердце снова появились перед его глазами.

«Я знаю, что в вашем сердце много вопросов. У меня нет времени говорить слишком много. Мать и отец получили приказ о вербовке для защиты города. Трудно даже сказать, сможем ли мы вообще вернуться. Дитя, помни несколько вещей. Во-первых, благородная, величественная кровь течет по твоим венам. Во-вторых, вы можете полностью доверять Лан Чжун. В-третьих, не расследуйте вопросы, касающиеся этого маленького серебряного меча. В-четвертых, если у вас есть время, то ходите почаще гулять по Академии Белого Оленя. В-пятых, перед тем как покинуть Дир Сити, перенесите могилы меня и вашего отца. Не создавайте новую могилу, просто утопите гробы в реке...

Дитя мое, твоя мать не может с тобой расстаться.

Дитя мое, ты должен быть послушным.

Мой ребенок...»

Такие последние слова были похожи на обычные, ворчащие слова его матери по отношению к собственному ребенку. Он чувствовал тепло, в голове всплывали все мелкие детали. Но была граница между живыми и мертвыми, и словно нож резал его сердце. Было нежелание расставаться, которое невозможно было описать словами. И в последней части письма была смятая часть с грязными чернильными пятнами. Как будто слезы намочили бумагу.

Когда мама писала это письмо, она определенно плакала.

Возможно, плакала не только его мать. Его отец - в его памяти могучий и могущественный человек, - возможно, также пролил слезы.

Когда Йе Циньгу прочитал последние строчки, его глаза уже были полностью влажными.

Как будто он видел, как его мать и отец надевают доспехи, с боевыми клинками в руках ступают на городские стены, чтобы сразиться в его ярких и мерцающих доспехах. Как будто он увидел сцену, где его мать приказывает кому-то передать это письмо Лан Чжуну. Он думал о себе, нервно ожидая у входа в свою семью десять дней и десять ночей, но в конечном счете его ждала новость о том, что его родители были тяжело ранены...

Было неизвестно, сколько времени прошло.

Эмоции Йе Циньгу постепенно начали успокаиваться.

Его сердце слегка дернулось, а затем все слезы на его лице и одежде мгновенно испарились.

Он осторожно сложил письмо в конверт, а затем осторожно положил его в объятия. Подумав еще раз, он снова достал его и поместил в облачный верхний котел в пустынном мире своего даньтяня - это было пространство Йе Циньгу, которое было самым безопасным и безопасным.

Затем он слегка повернулся.

Он глубоко поклонился Лан Чжун.

Выражение лица Лан Чжуна сильно изменилось, его лицо стало беспомощным. Быстро он произнес: «Молодой господин... не усложняй мне жизнь».

«Брат Лан, ты должен принять мой поклон», сказал Йе Циньгу с волнением. «Вы хранили это письмо более пяти лет. Сегодня ты передал его мне. Для меня, Йе Циньгу, это долг. Увидев это письмо, я вдруг понял. Два года назад, когда банда Двух Рек забрала меч маленького Шанга, на самом деле вы тайно защищали это духовное оружие, чтобы предотвратить его попадание в руки других. Когда я поступил в Академию Белого Оленя и смог защитить себя, ты вернул меч маленького Шанга в первый же миг. Ты также продолжал скрытно защищать меня, не появляясь прилюдно. Я, Йе Циньгу, благодарю тебя за твою преданность».

У Лан Чжуна было выражение страха. «Молодой мастер, вы преувеличили. Когда я был нищим, и был как крыса в канализации, и другие презирали меня, это была госпожа, которая спасла меня и мою сестру. Это была хозяйка, которая скрытно учила нас боевым искусствам и помогала нам. Ее долг передо мной велик. Банда Двух Рек также была создана хозяйкой. Дело было только в том, что любовницы не появлялись, а просто решали вопросы на заднем плане.

Так она делала все осторожно, так что никто из банды не знал ее истинную личность. Хозяйка отдала мне должность главаря банды Две Реки. Я не смел расслабляться и ходил по тонкому льду в эти дни, но я не мог заставить банду продвигаться дальше. Я не справился с обязанностями, которые дала мне госпожа...»

Как были сказаны эти слова, не только Йе Циньгу, но и Танг Сан был потрясен.

Что?

Банда Двух Рек была создана матерью Йе Циньгу?

Это было слишком необъяснимо.

Йе Циньгу вообще не знал об этом.

В его памяти о матери она была нежной и тихой женщиной, спокойной, опрятной и упорядоченной. Хотя она знала боевые искусства, но она лишь ненадолго проявит себя в додзэ боевых искусств. Нельзя было сказать, что она могущественна... Хотя не так давно Вэнь Ван и Хон Конг признали, что сила его матери была не меньше для них, но Йе Циньгу не придавал этому особого значения.

<http://tl.rulate.ru/book/103/376063>